

А. Е. Маньков
Диалект села Старошведское: проблема структурных изменений в исчезающем языке¹

A. E. Mankov
The Dialect of Staroshvedskoye (Gammalsvenskby) and the Problem of Structural Change in an Endangered Language

Due to the ongoing process of rapid decrease in the number of spoken languages, one of the most urgent tasks of linguistics today is to document endangered languages. The data from insufficiently studied languages (which is often the case with endangered languages) allows linguists to enrich factual material of linguistics. This is particularly important for the development of linguistic typology. Among the issues associated with endangered languages, one of the most linguistically significant is the structural changes taking place within them. An obsolescing language is in a sense a laboratory where processes of linguistic change can be studied at the very moment of their operation. The paper examines data from the dialect of Staroshvedskoye (Gammalsvenskby), which is the only surviving Scandinavian dialect in the territory of the former Soviet Union. Its current state has not been described in linguistic literature. The main types of speakers of endangered languages, distinguished on the basis of language competence, are fluent speakers, semi-speakers and terminal speakers; all three of these types are present in Staroshvedskoye. With imperative forms serving as an example, the variety of the dialect spoken by the fluent speakers is compared with the variety spoken by the semi-speakers. It is demonstrated that the main characteristic features of the semi-speakers are a significant increase in the number of forms, high frequency of free variation and the prevalence of analytic and descriptive patterns over synthetic ones. An attempt to explain the latter phenomenon is made as well.

Документирование малых и исчезающих языков является наиболее актуальной задачей современного языкознания. Введение в научный оборот данных малоизученных языков позволяет расширить фактологическую базу лингвистики, что, в частности, необходимо для развития лингвистической типологии. Из проблематики, связанной с исчезающими языками, особый интерес представляют структурные изменения, характерные для них. Исчезающий язык является в определённом смысле лабораторией, в которой процессы эволюции языка могут наблюдаться в момент их совершения. В статье используются данные диалекта села Старошведское (Украина), который является единственным живым скандинавским диалектом на территории бывшего СССР. Его современное состояние не описывалось ранее в лингвистической литературе. На примере форм императива сравнивается вариант диалекта высококомпетентных носителей (fluent speakers) с вариантом среднекомпетентных носителей (semi-speakers). Показано, что особенностью среднекомпетентных носителей является значительное увеличение числа форм, высокая частотность свободного варьирования и преобладание аналитических и описательных конструкций над синтетическими; делается попытка объяснить последнее явление.

Среди задач, стоящих перед современным языкознанием, особое место занимает задача изучения языков, находящихся под угрозой исчезновения. Исчезающим является тот язык, число носителей которого приближается к нулю. Это может быть связано либо со смертью носителей языка, либо со сменой языка, когда область его применения всё более сужается, вследствие чего никто не может пользоваться данным языком ни в каком контексте. Исчезновение языков происходило в течение всей истории человечества, однако сейчас эпидемией вымирания языков охвачены все континенты, а не какой-либо отдельный неблагополучный регион. Особый трагизм возникает в том случае, когда язык

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00092 «Диалект села Старошведское: документирование и описание именной и глагольной морфологии». Экспедиция в село в 2013 г. проведена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>), проект А-32 «Диалект села Старошведское (Gammalsvenskby): полевое исследование».

не просто исчезает, но исчезает неизученным, т.е. бесследно. Именно поэтому в условиях лингвистической ситуации современного мира одной из главных задач лингвистики (если не самой главной) является создание описаний малоизученных и неизученных языков. Список живых языков состоит сейчас из 6909 названий [AUSTIN, SALLABANK 2011: 3]. Соотношение этого числа языков с числом населения Земли крайне непропорционально: более половины людей в мире распределяется между двадцатью крупнейшими языками. По расчётам Д. Кристала, на рубеже XX и XXI веков 96% населения Земли говорило лишь на 4% языков. Соответственно, лишь 4% людей говорило на 96% языков [CRYSTAL 2000: 14]. Названное выше количество живых языков приблизительно, т.к. установление их точного числа затруднено, в том числе из-за отсутствия сведений о них или в связи с их недостаточной изученностью. Между тем, именно малоизученные языки с высокой степенью вероятности находятся в группе риска. Европа является континентом с наименьшим языковым разнообразием: здесь находится лишь 3% языков мира [AUSTIN, SALLABANK 2011: 5], поэтому, казалось бы, здесь не должно быть неописанных языков и диалектов. Тем не менее, даже в Европе был обнаружен язык, современное состояние которого было неисследовано: это диалект села Старошведское. Чего же следует ожидать от регионов с высокой концентрацией языков?

Описания малых и исчезающих языков делались в течение всего XX в. как в российской, так и в зарубежной лингвистике. Однако эта сфера не привлекала к себе особого внимания вплоть до 90-х годов прошлого века, по крайней мере в англоязычной лингвистике. Всерьёз забить тревогу лингвистам удалось в 1992 году, когда в журнале “Language” вышла коллективная статья “Endangered Languages” [HALE et al. 1992]. В ней, в частности, был дан прогноз, что к концу XXI века исчезнут 90% живых языков мира. По более «оптимистическому» прогнозу Д. Кристала, к концу текущего века исчезнет половина языков мира [CRYSTAL 2000: 19]. Несмотря на то, что единого прогноза относительно малых языков нет, и имеются примеры их сохранения и возрождения², общая тенденция — это сокращение числа живых языков. С лингвистической точки зрения мир будущего будет становиться всё более однообразным и в этом отношении всё более примитивным. Однако ход этого процесса может быть если не остановлен, то по крайней мере замедлен. Если на каком-либо малом языке говорит хотя бы несколько семей, и есть дети, для которых он является первым и которые пользуются им в реальном общении, то для этого языка есть надежда на выживание. Спасти язык от вымирания может только активный интерес, уважение и любовь его носителей к своим корням. В любом случае, со стороны лингвистов необходима работа по документированию и изучению малых и исчезающих языков. В последние десятилетия вышел ряд монографий и сборников статей, посвящённых исчезающим языкам³. Создано несколько фондов, поддерживающих исследования исчезающих языков (см. их список в [AUSTIN, SALLABANK 2011: 2]). В России в 2010 г. К. В. Бабаевым создан Фонд фундаментальных лингвистических исследований, специализирующийся на финансировании полевых исследований малых языков.

Подробные всесторонние описания малых и исчезающих языков представляют собой наибольшую ценность, т.к. отражают язык как систему, наиболее полно сохраняют его для науки и могут послужить основой для возрождения языка. Как показывает наш опыт изучения диалекта села Старошведское, такие описания могут появиться только в результате достаточно долгосрочных проктов и нескольких продолжительных экспедиций. Разумеется, однако, что любое добросовестное исследование неописанного языка, даже если оно будет кратким или посвящённым какому-либо частному вопросу, представляет собой большую ценность.

---

² См., например, об успешном сохранении могавского языка в Квебеке [KAIA'ITANKHE ANNETTE JACOBS 1998].

³ Некоторые из них: [DORIAN 1989; D. BRADLEY, M. BRADLEY 2002; TSUNODA 2005; HARRISON, ROOD, DWYER 2008; GRENOBLE, FURBEE 2010; HAIG, NAU, SCHNELL, WEGENER 2011].

Может показаться, что описание малого неизученного языка, который, возможно, ещё и обречён на исчезновение, — это интересная, но слишком экзотическая, узкая и при этом трудоёмкая задача, выполнение которой мало что даёт общему языкознанию. В действительности, это совершенно не так. Описания неизученных языков и введение их материала в научный оборот — это именно то, что крайне необходимо современной общей лингвистике, и прежде всего лингвистической типологии. Незученные языки дают материал, который либо меняет, либо значительно корректирует представления о том, что возможно в языке⁴, поэтому развитие современной лингвистики и обогащение её фактологической базы во многом связано с введением в научный оборот данных неисследованных языков и диалектов.

В 2004 г. в селе Змиевка в Херсонской области (в XIX в. — Старошведское) автором данной статьи был обнаружен шведский диалект, современное состояние которого было исследовано⁵. В настоящее время общее число лиц, хотя бы в минимальной степени владеющих диалектом, не превышает двадцать человек. Все носители консервативного варианта диалекта — женщины не моложе семидесяти лет. С 2004 по 2013 г. мною проведено десять экспедиций в село с целью сбора фактического материала для описания его диалекта (отчёт о проекте: [МАНЬКОВ 2011с]). Характерной чертой лингвистической ситуации в Старошведском является то, что носители диалекта неоднородны с точки зрения языковой компетенции. Отсутствие единообразия языковой компетенции — частая черта коллектива носителей исчезающего языка. Основными типами, которые выделяются в литературе, являются *fluent speakers*, *semi-speakers*, *terminal speakers* [DORIAN 1977; GRINEVALD, BERT 2011: 49–51], т.е. носители с языковой компетенцией высокого, среднего и низкого уровня. Носители с высоким уровнем компетенции также называются «консервативными». В нынешнем Старошведском имеются все эти типы носителей. Наша полевая работа вплоть до 2012 г. заключалась в интервьюировании трёх наиболее консервативных носителей. Большинство форм, фраз и повествований получено от Лидии Андреевны Утас (род. в 1932 г.). Она обладает уникальной памятью: по её словам, многие из названных ею форм она последний раз слышала или употребляла более полувека назад. При этом в большинстве случаев она легко называет формы, необходимые для построения парадигм, и даёт примеры употребления слов. При необходимости она неоднократно и медленно повторяет слова и фразы, что даёт возможность их тщательно записать и затем проверить. В ходе интервью Л. А. Утас постепенно стала сама называть незаписанные ранее слова, указывать на пробелы в описании и приводить примеры словоупотребления, становясь таким образом участником исследования собственного языка. В целом, описание диалекта села Старошведское оказалось возможным только благодаря содействию и участию носителей и поэтому в значительной степени является их заслугой. На данный момент опубликовано базовое описание фонетики [МАНЬКОВ 2010а], морфологии [МАНЬКОВ 2010b; 2011a; 2011b; 2012a; 2013d; 2013e], а также словообразования существительных в консервативном варианте диалекта [МАНЬКОВ 2012b; 2013a]. Следует, однако, иметь в виду, что описание консервативного варианта даёт далеко не полную картину состояния диалекта. В действительности мы имеем не единый диалект, общий для всех носителей и подобный стандартному литературному языку, а целый ряд вариантов диалекта, которые существенно различаются. Чтобы получить более полное представление о реальном состоянии диалекта, необходимо исследование всех его вариантов. В ходе экспедиций 2012 и 2013 гг. мы приступили к изучению диалекта среднекомпетентных носителей [МАНЬКОВ 2013b; 2013c]. Основными информантами стали родные сёстры Эмма Утас (род. в 1932; далее ЭУ) и Эльза Козенко (род. в 1930; далее ЭК).

Из проблематики, связанной с исчезающими языками, наибольший интерес с собственно лингвистической точки зрения представляют структурные изменения,

⁴ Обсуждение конкретных примеров см. в [PALOSAARI, CAMPBELL 2011: 100–110].

⁵ Об истории села и лингвистической ситуации в нём см. [МАНЬКОВ 2010а].

характерные для них. Дело в том, что между исчезающим языком и «обычным» языком существует определённое структурное различие, которое связано со скоростью изменений, происходящих в фонологии, морфологии, синтаксисе и словаре исчезающего языка. Те изменения, которые в «нормальных» условиях обычно занимают столетия, в исчезающем языке могут произойти за несколько лет [PALOSAARI, CAMPBELL 2011; CAMPBELL, MUNTZEL 1989]. Мы пришли к выводу, что исчезающий язык является в определённом смысле лабораторией, в которой процессы эволюции языка могут наблюдаться в момент их совершения. Некоторые из этих изменений могут интерпретироваться как «стандартные», т.е. в принципе они могут иметь место в любом языке. Другие структурные изменения представляются характерными лишь для исчезающего языка. Однако сам по себе факт, что язык является исчезающим, не подразумевает того, что он обязательно должен претерпевать быстрые структурные изменения. Структурные изменения, которые, возможно, являются характерными для языка, находящегося в состоянии исчезновения, следует, по-видимому, искать в первую очередь у носителей со средним уровнем языковой компетенции. Однако установить направление эволюции можно только исходя из сравнения с консервативным вариантом языка/диалекта, являющимся «точкой отсчёта». Существование носителей разного уровня компетенции способствует решению этой задачи, т.к. даёт возможность сравнения. Диалект Старошведского представляет в этой связи благоприятный материал, т.к. в его случае имеются носители с разным уровнем компетенции. Это создаёт основу для сравнения различных вариантов диалекта и позволяет изучать структурные изменения в нём.

Что касается специфики языка высококомпетентных и среднекомпетентных носителей, то сразу бросается в глаза различие в стабильности словоизменения и в объёме словаря. Высокая степень морфологического варьирования и узость исконного словаря (которая компенсируется посредством других языков — немецким, русско-украинским и стандартным шведским) — это основные черты среднекомпетентных носителей. По нашим наблюдениям, степень стабильности и сохранности морфологии и словаря зависит в целом от того, насколько значительной была роль диалекта в повседневном общении в детстве. Свободное варьирование в словоизменении (т.е. ситуация, когда одно и то же грамматическое значение выражается несколькими формами, которые являются взаимозаменяемыми и употребляются без какой-либо закономерности) имеется и у высококомпетентных носителей. Однако, в целом, употребление форм у них достаточно предсказуемо. У среднекомпетентного носителя употребление той или иной формы перестает быть предсказуемым, причём количество форм не только не сокращается, а увеличивается [МАНЬКОВ 2013b].

Конкретным диалектным материалом, на основании которого были сделаны эти наблюдения, являются, в частности, формы императива. У высококомпетентных носителей императив устойчиво различает форму ед. и мн. ч. Форма ед. ч. имеет нулевое окончание и совпадает с инфинитивом; окончанием мн. ч. императива является *-e*: *boka* ‘пеки’ ~ *boka(j)e* ‘пеките’, *arbet* ‘работай’ ~ *arbete* ‘работайте’, *köp* ‘купи’ ~ *köpe* ‘купите’⁶ [МАНЬКОВ 2012a]. Какие-либо отступления от этой модели практически отсутствуют. Формы императива в интервью со среднекомпетентными носителями отличаются рядом существенных преобразований. В ед. ч. императива во многих случаях сохраняется исконная диалектная форма. Напротив, во мн. ч. императива происходит радикальная перестройка. В интервью с ЭУ и ЭЖ мы выделили семь типов образования императива мн. ч. (перечисляются по степени частотности⁷): 1) инфинитив + местоимение ‘вы’; 2) форма с окончанием *-a* + местоимение ‘вы’; 3) конструкция с *ne ska*; 4) традиционная диалектная форма императива мн. ч. с окончанием *-e*; 5) форма с окончанием *-a*; 6) форма,

⁶ Об орфографии, разработанной нами для диалекта см. [МАНЬКОВ 2010a; 2013e].

⁷ Мы намеренно не приводим здесь цифр, показывающих, сколько раз эти типы встретились в интервью, т.к. сбор фактического материала не завершён.

совпадающая с императивом ед. ч.; 7) разрозненные формы и конструкции, не относящиеся ни к одному из названных типов.

Абсолютно преобладающей в интервью как с ЭУ, так и с ЭК является аналитическая конструкция с местоимением *ne/nö/ni* ‘вы’, не встречающаяся в интервью с высококомпетентными носителями. Любопытно, что её структура у ЭУ и ЭК не всегда одинакова. У ЭУ эта конструкция состоит из диалектной формы инфинитива + ‘вы’: *bit(t)a! ne* ‘платите’, *boka ne* ‘пеките’, *bigg nö* ‘стройте’, *drikk nö* ‘пейте’, *gö ne* ‘идите’, *gräv ne* ‘копайте’, *höld ne* ‘держите’, *hölp nö* ‘помогите’, *jäta ni* ‘ешьте’, *kuma ne* ‘приходите’, *läsa ni* ‘читайте’, *sköa ne* ‘смотрите’, *svora ne* ‘отвечайте’ и мн. др. У ЭК также имеется значительное число примеров этой конструкции: *ne gräv* ‘копайте’, *gäva ne* ‘дайте’, *gära ne* ‘делайте’, *skära ne* ‘режьте’, *smoka ne* ‘попробуйте’, *to!a ne* ‘говорите’, *töa ne* ‘берите’ и т.п. Наряду с этой конструкцией в интервью с ЭК в императиве мн. ч. часто встречается форма с окончанием *-a* + местоимение ‘вы’. Существенно, что форма на *-a* в императиве мн. ч. не всегда совпадает с традиционной диалектной формой инфинитива (например, *kampa ne* ‘постучите’ при диалектном инфинитиве *kamp*, названном ЭК в том же интервью). Вероятно, изначально окончание *-a*, напоминающее литературные шведские формы инфинитива и императива 1-го спряжения, появилось в речи ЭК для различения ед. и мн. ч. императива: *färg* ‘покрась’ ~ *färga* ‘покрасьте’ (инфинитив *färg*), *hakk* ‘пропалывай’ ~ *hakka* ‘пропалывайте’ (инфинитив *hakk* и *hakka*), *hänt* ‘принеси’ ~ *hänta* ‘принесите’ (инфинитив *hänta*). Однако синтетических форм, в которых мн. ч. императива отличается от единственного только с помощью окончания *-a* (типа *färg* ~ *färga* ЭК, *sü* ‘спи’ ~ *söa* ‘спите’ ЭУ) в интервью с ЭК и ЭУ не много (на данный момент пятое место из семи по частотности). Под влиянием конструкции «инфинитив + ‘вы’» в языке ЭК возникла конструкция, состоящая из формы на *-a* + местоимение ‘вы’: *fröga ne* ‘спрашивайте’ (инфинитив *fröga* < шв. *fråga*⁸), *k!üa nö* ‘расколите’ (инф. *k!ü*), *küka ne* ‘сварите’ (инф. *kük* и *küka*), *kvässa ne* ‘наточите’ (инф. *kväss*), *ljüa ne änt* ‘не лгите’ (инф. *ljü*) и т.п. Число таких конструкций в интервью с ЭК значительно. Интересно, что в проведённых на данный момент интервью с ЭУ эта конструкция практически отсутствует, несмотря на то, что ЭК и ЭУ — родные сёстры.

На следующем месте по частотности как в интервью с ЭУ, так и с ЭК стоит описательная конструкция с глаголом *ska*, буквально означающая ‘вам следует делать что-л.’, причём она называлась ЭУ и ЭК в ответ на просьбу перевести русскую синтетическую форму императива мн. ч.: *ne ska änt rädd 'ö dom!* ЭУ ‘не пугайте их!’, *ne ska bräs* ЭУ ‘испеките’, *nö ska änt glimma* ‘не забудьте’, *ne ska änt fall* ‘не упадите’, *ne ska boka* ‘испеките’, *ne ska bosa* ЭК ‘согрейте’, *ne ska färga* ЭК ‘покрасьте’ (наряду с *färga*) и т.п. Так же, как конструкция с местоимением ‘вы’, использование глагола *ska* при выражении императива не встречается в интервью с высококомпетентными носителями.

Далее, как у ЭУ, так и у ЭК встречается некоторое количество традиционных диалектных форм императива: *arbete* ЭУ ЭК ‘работайте’, *bränne 'bo!t* ЭУ ‘сожгите’, *glimme änt* ЭУ ‘не забудьте’ (наряду с *nö ska änt glimma*), *köpe* ‘купите’, *gräve* ЭК ‘копайте’ (наряду с *ne gräv*) и др.

Имеются случаи, когда форма императива мн. ч. не отличается от формы ед. ч. (как в литературном шведском): *kroka* ЭУ ‘лезь; лезьте’, *bind 'fast* ЭУ ‘привяжи(те)’, *hindra änt* ЭУ ‘не мешай(те)’, *mota* ЭК ‘покорми(те)’.

Наконец, в интервью с ЭУ и ЭК попадаются разрозненные формы императива мн. ч., которые возникают вследствие спонтанных контаминаций перечисленных выше типов и поэтому не относятся ни к одному из них: *sitt ne* ЭУ ‘сидите’ (императив ед. ч. *sitt*; инфинитив *sitte*), *sita ne* ЭК ‘сидите’ (имп. ед. ч. *sitt*; инф. *sita*), *häise ne* ЭУ ‘налейте’, *gäve*

⁸ Диалектная форма инфинитива этого глагола (не встретившаяся в интервью с ЭК) — *fröa*.

ne ЭУ ‘дайте’, *falle ne änt* ЭК ‘не упадите’, *skārte* ЭУ ‘нарежьте’⁹ (с русским окончанием императива мн. ч.) и др.

Судя по приведённым примерам, основное различие языка высококомпетентных и среднекомпетентных носителей заключается прежде всего в большем разнообразии форм и в меньшей предсказуемости их употребления у вторых. Новшеством среднекомпетентных носителей является частое употребление аналитической и описательной конструкции во мн. ч. императива, что в данном случае подтверждает положение о предпочтении аналитических и описательных конструкций перед синтетическими как одной из грамматических особенностей речи среднекомпетентных носителей [PALOSAARI, CAMPBELL 2011: 115]. Вероятно, это является проявлением тенденции к созданию «прозрачных» грамматических конструкций, т.е. таких, в которых отчётливо видно значение каждого элемента. Для того, чтобы понять такую синтетическую форму мн. ч. императива как *boka(j)e*, нужно соотнести её с такими же формами императива других глаголов (*bitae, frōae, kļōae, rokae, toļae* и т.п.), а для этого нужно достаточно хорошо владеть языком. В этом отношении аналитические конструкции типа *boka ne* получают преимущество, т.к. оба входящих в них элемента существуют как отдельные слова и, следовательно, более понятны среднекомпетентному носителю, чем морфемы, входящие в синтетическую форму. В языках синтетического типа нередки случаи, когда формы одного и того же слова настолько непредсказуемы или образуются по таким нетривиальным правилам, что их необходимо запоминать как отдельные единицы: ср., например, такие формы глагола ‘брать’ в древнегреческом, как *λαμβάνω* (наст. вр.), *λήψομαι* (будущее вр.), *ἔλαβον* (активный аорист), *λαβέ* (императив активного аориста). Каждая из этих форм практически непредсказуема и требует индивидуального запоминания. Для среднекомпетентного носителя прозрачные аналитические конструкции в силу их предсказуемости удобнее с точки зрения образования и запоминания. Кроме того, аналитические конструкции удобнее и при общении, поскольку в них существует отчётливая связь между формой и значением входящих в них элементов: говорящий чётче понимает, что он говорит, слушающий легче воспринимает сказанное. Это является преимуществом в первую очередь для среднекомпетентных носителей.

Что касается описательных конструкций, то они имеют сходное функциональное преимущество: их использование позволяет «обойти» необходимость знания особой формы, особенно если она образуется по нетривиальной модели. Владея тем или иным описательным шаблоном (типа *ne ska boka*), можно образовать императив от любого глагола, чего нельзя сказать о синтетических формах, для которых часто требуется владение особыми правилами или индивидуальное запоминание. Заметим, что использование описаний характерно и для лексики среднекомпетентных носителей [МАНЬКОВ 2013b: 42]. Например, вместо глагола *svora* ‘отвечать’ ЭУ использует выражение «давать ответ»: *Kofére gävā-ṭe ija svār?* ‘Почему ты не отвечаешь?’ Вместо глагола *hita* ‘греть’ — выражение «делать тёплым»: *Ja hār vatn gjūt häitt* ‘Я нагрела воды’. Вместо глагола *hust* ‘кашлять’ — выражение «иметь кашель»: *Ja hār husten, min hāš vārkar* ‘У меня кашель, болит горло’.

На примере конкретного сегмента морфологии мы попытались показать направление, в котором может строиться изучение структурных изменений, происходящих в малом языке. Общелингвистическая актуальность этого направления заключается в том, что оно даёт фактический материал, позволяющий проследить и объяснить модели грамматической эволюции. Для развития этого направления прежде всего необходимо расширение и уточнение фактического материала (т.е. подробное

---

⁹ Другие формы этого глагола, встретившиеся в интервью с ЭУ: инфинитив *skāra*, презенс ед. ч. *skār* и *skāra*, презенс мн. ч. *skāra*, императив ед. ч. *skār*, супин *skāra* и *sküre*, причастие II *sküre*.

интервьюирование носителей всех типов) и дальнейшее сравнение вариантов грамматики высококомпетентных и среднекомпетентных носителей.

Литература

AUSTIN, SALLABANK 2011 — P. Austin, J. Sallabank. Introduction // The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge University Press, 2011.

D. BRADLEY, M. BRADLEY 2002 — D. Bradley, M. Bradley (eds.). Language Endangerment and Language Maintenance. London: RoutledgeCurzon, 2002.

CAMPBELL, MUNTZEL 1989 — L. Campbell, M. C. Muntzel. The Structural Consequences of Language Death // N. Dorian (ed.). Investigating Obsolescence: Studies in language contraction and death. Cambridge University Press, 1989, 181–196.

CRYSTAL 2000 — D. Crystal. Language Death. Cambridge University Press, 2000.

DORIAN 1977 — N. Dorian. The Problem of the Semi-Speaker in Language Death // International Journal of the Sociology of Language, 1977 (12), 23–32.

DORIAN 1989 — N. Dorian (ed.). Investigating Obsolescence: Studies in language contraction and death. Cambridge University Press, 1989.

GRENOBLE, FURBEE 2010 — L. A. Grenoble, N. Louanna Furbee. Language Documentation: Practice and values. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010.

GRINEVALD, BERT 2011 — C. Grinevald, M. Bert. Speakers and Communities // The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge University Press, 2011, 45–65.

HAIG, NAU, SCHNELL, WEGENER 2011 — G. L. J. Haig, N. Nau, S. Schnell, C. Wegener (eds.). Documenting Endangered Languages: Achievements and Perspectives (= Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 240). Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2011.

HALE et al. 1992 — K. Hale et al. Endangered Languages // Language, 68 (1), 1992, 1–42.

HARRISON, ROOD, DWYER 2008 — K. D. Harrison, D. S. Rood, A. Dwyer (eds.). Lessons from documented endangered languages. Amsterdam: Benjamins, 2008.

KAIA'TITANKHE ANNETTE JACOBS 1998 — Kaia'titahkhe Annette Jacobs. A Chronology of Mohawk Language Instruction at Kahnawà:ke // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). Endangered Languages: Language Loss and Community Response. Cambridge University Press, 1998, 117–123.

PALOSAARI, CAMPBELL 2011 — N. Palosaari, L. Campbell. Structural Aspects of Language Endangerment // The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge University Press, 2011, 100–119.

TSUNODA 2005 — T. Tsunoda. Language Endangerment and Language Revitalization (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 148). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2005.

МАНЬКОВ 2010а — А. Е. Маньков. Диалект села Старошведское // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология (= Вестник ПСТГУ. Филология). № 1/19 (2010), 7–26.

МАНЬКОВ 2010б — А. Е. Маньков. Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Филология. № 2/20 (2010), 92–111.

МАНЬКОВ 2011а — А. Е. Маньков. Словоизменение существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Филология. № 2/24 (2011), 32–43.

МАНЬКОВ 2011б — А. Е. Маньков. Диалект села Старошведское: материалы к описанию прилагательных и местоимений // Вестник ПСТГУ. Филология. № 3/25 (2011), 37–54.

МАНЬКОВ 2011с — А. Е. Маньков. Диалект села Старошведское (Gammalsvenskby): отчёт о проекте // XXI Ежегодная конференция ПСТГУ. Т. 2. М.: ПСТГУ, 2011, 208–213.

МАНЬКОВ 2012а — А. Е. Маньков. Словоизменение глаголов в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Филология. № 2/28 (2012), 7–25.

МАНЬКОВ 2012b — А. Е. Маньков. К описанию суффиксального словообразования существительных в диалекте села Старошведское // XXII Ежегодная конференция ПСТГУ. Материалы. Т. 2. М.: ПСТГУ, 2012, 159–161.

МАНЬКОВ 2013a — А. Е. Маньков. Суффиксальное словообразование существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Филология. № 1/31 (2013), 21–31.

МАНЬКОВ 2013b — А. Е. Маньков. Проблема структурных изменений в исчезающем языке // Вестник ПСТГУ. Филология. № 2/32 (2013), 30–44.

МАНЬКОВ 2013c — Структурные изменения в исчезающем языке и вопрос о разрушении языка // XXIII ежегодная конференция ПСТГУ. Материалы. М.: Издательство ПСТГУ, 2013, 274–275.

МАНЬКОВ 2013d — А. Е. Маньков. Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Т. А. Тоштендаль-Салычева (ред.). Мир шведской культуры: Сборник статей. М.: РГГУ, 2013, 55–105.

МАНЬКОВ 2013e — А. Е. Маньков. Скандинавский остров в славянской языковой среде. Диалект села Старошведское: имя существительное // *Slovene. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 2. № 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2013, 60–110.

Маньков Александр Евгеньевич, доцент кафедры германской филологии филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва)
e-mail: mankov-pstgu@hotmail.com